

9 апреля. Россия расположилась на третьем месте в рейтинге государств, в отношении которых подано больше всего жалоб в ЕСПЧ, уменьшив с конца 2011 г. количество жалоб почти в три раза.

rapsinews.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

10 апреля. Сейм Литвы абсолютным большинством голосов поддержал проведение 29 июня референдума по вопросу продажи земли в стране иностранным физическим и юридическим лицам.

rapsinews.ru

Международный договор или вежливая взаимность

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Возможные основания для признания в России иностранных судебных решений

В № 22 (159) «АГ» за 2013 г. был опубликован весьма интересный и познавательный материал – статья судьи апелляционного суда Нидерландов Рута А. Ван дер Пола «Границы принципа суверенитета», посвященная вопросам приведения в исполнение решений российских судов по гражданским делам в Нидерландах.

ДМИТРИЙ ЛЮБОМУДРОВ

партнер АБ «Андрей Городиский и Партнеры», руководитель практики «Корпоративное право / Слияния и поглощения», эксперт ФПА РФ

Как видно из указанной статьи, в вопросах признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений законодательство Нидерландов исходит из традиционного принципа главенства национального суверенитета. Этот принцип в классическом понимании подразумевает безусловное верховенство государства на своей территории и возможность исполнения на этой территории актов иного государства (включая судебные решения как частный случай акта иностранного суверена) только при наличии соответствующего международного договора, связывающего эти страны.

Однако, оказывается, суды в Нидерландах выработали практику, называемую автором статьи «замаскированной процедурой получения экзекватуры»¹, принципиально позволяющую признавать иностранные (в том числе российские) судебные решения по гражданским делам и в отсутствие международного договора. ГПК Нидерландов (а точнее, практика его применения) позволяет судам этой страны фактически привести в испол-

нение решение российского суда посредством нового рассмотрения дела и принятия решения, совпадающего с решением российского суда. При этом, однако, дело по существу повторно не разрешается, а новое рассмотрение заключается в проверке соблюдения определенного круга минимальных, во многом формальных, требований².

В этой связи возникает вопрос о том, возможно ли в России исполнение решения нидерландского суда.

Российская судебная практика

Подход отечественного законодателя по существу не отличается от принятого в Нидерландах: согласно существующему еще с советских времен правилу неременным условием для признания и исполнения судебных актов иностранного государства является наличие соответствующего международного договора. Так, ч. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» устанавливает, что обязательность постановлений судов иностранных государств определяется международными договорами Российской Федерации.

В развитие этой нормы ч. 1 ст. 409 ГПК РФ указывает, что «решения иностранных судов <...> признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации», а ч. 1 ст. 241 АПК РФ – что «решения судов иностранных государств <...> признаются и приводятся в исполнение в России арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом».

Казалось бы, недвусмысленные положения закона не оставляют никакой надежды на исполнение в России решения нидерландского суда (так же, как решений судов любого иного государства (далее – иностранные решения), с которым у России отсутствует соответствующий договор). Тем не менее анализ практики российских судов за последние годы позволяет увидеть, что в некоторых случаях суды (особенно арбитражные) приходили к выводу о возможности исполнения иностранных решений и в отсутствие международного договора, это предусматривающего.

Суды также установили, что «независимо от наличия каких-либо международных договоров и федеральных законов решение иностранного суда может быть признано и приведено в исполнение <...> на основании общепризнанных принципов международного права – принципов взаимности и международной вежливости».

В качестве примера, касающегося как раз случая исполнения решения суда Нидерландов, можно привести следующее дело.

Нидерландская компания обратилась в российский арбитражный суд с заявлением о приведении в исполнение решения нидерландского окружного суда против российской организации-ответчика. Суд удовлетворил данное заявление, а впоследствии ФАС поддержал позицию нижестоящего суда и отклонил кассационную жалобу российской стороны, ссылавшейся среди прочего на отсутствие необходимого международного договора между Россией и Нидерландами (постановление ФАС МО от 29 июля 2009 г. № КГ-А41/6930-09).

Суды констатировали, что в соответствии с АПК РФ условием исполнения в России иностранных решений является наличие международного договора, предусматривающего такое исполнение, и что «специального международного договора о правовой помощи, затрагивающего вопросы признания и приведения в исполнение решений судов Королевства Нидерланды в Российской Федерации, и наоборот, не существует».

Однако, по мнению судов, РФ и Нидерланды связывают многосторонние конвенции, на основании которых решение нидерландского суда может быть признано и приведено в исполнение: «Российская

Федерация является участницей многочисленных международных конвенций и соглашений, в которых предусматриваются права лиц на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом. Так, в силу п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [далее – Конвенция. – Д.Л.] исполнение решения, вынесенного любым судом страны-участницы Конвенции, должно рассматриваться российским судом как надлежащее соблюдение права лица на справедливое судебное разбирательство».

Кроме того, суды сослались на то, что в отношениях между Россией и Нидерландами действует Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (1994), учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами – с другой (далее – Соглашение о партнерстве), и что «в рамках данного соглашения каждая сторона приняла на себя обязательство обеспечить свободный от дискриминации по сравнению с собственными лицами доступ физических и юридических лиц другой стороны в компетентные суды». Поэтому был сделан вывод о том, что «решение иностранного суда может быть признано и приведено в исполнение <...> на основании международного договора, в данном случае – Соглашения о партнерстве».

Суды также установили, что «независимо от наличия каких-либо международных договоров и федеральных законов решение иностранного суда может быть признано и приведено в исполнение <...> на основании общепризнанных принципов международ-

ного права – принципов взаимности и международной вежливости». Рассуждали суды следующим образом.

Конституция РФ устанавливает «приоритет международно-правовых источников над национальными», что нашло выражение в ее п. 4 ст. 15. При этом «одним из общепризнанных принципов международного права является принцип международной вежливости, предписывающий государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно». Из этого принципа в свою очередь вытекает другой – принцип взаимности, который «предполагает взаимное сотрудничество государств по признанию прав и интересов частных лиц, а права таких лиц могут определяться не только иностранным правом, но и решением иностранного суда (что корреспондирует п. 1 ст. 46 Конституции РФ, а именно каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод)».

Заявителем были представлены доказательства возможности приведения в исполнение в Нидерландах решений российских судов, а именно – заключение юридической фирмы, подтверждающее возможность такого исполнения, несмотря на отсутствие международного договора.

В таких обстоятельствах ФАС МО пришел к выводу, что «факт признания и/или приведения в исполнение решений российских судов в Королевстве Нидерланды является безусловным основанием для признания и приведения в исполнение в Российской Федерации решений нидерландских судов на основании общепризнанных принципов международного права – принципов взаимности и международной вежливости» и «формальный отказ» от приведения в исполнение в РФ решения иностранного суда «будет являться прямым нарушением» п. 4 ст. 15 и п. 1 ст. 46 Конституции РФ, «а также ряда международных конвенций и соглашений». Позднее коллегия ВАС РФ поддержала аргу-

4 апреля. Федеральная миграционная служба намерена снимать отпечатки пальцев у детей мигрантов, прибывающих в Россию, с шести лет — такой законопроект размещен на официальном сайте ведомства.

rapsinews.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

10 апреля. ОБСЕ получила сообщения о более чем 20 случаях, когда российским журналистам отказали в пересечении украинской границы, сообщила представитель ОБСЕ по свободе СМИ Дунья Миятович.

rapsinews.ru

ментацию нижестоящих судов и не нашла оснований для передачи дела для пересмотра в порядке надзора (определение ВАС РФ от 7 декабря 2009 г. № ВАС-13688/09).

Аргументация судов

Примечательно, что преваляющая позиция судов еще сравнительно недавно была во многом диаметрально противоположной, в особенности в том, что касается возможности приведения в исполнение иностранных решений в отсутствие международного договора (см., например, постановление ФАС МО от 14 февраля 2008 г. № КГ-А40/9619-07, определение ВАС РФ от 19 мая 2008 г. № 5105/08).

Между тем представляется, что аргументация, использованная в приведенном деле, воспроизводимая в ряде иных аналогичных дел (см., например, постановления ФАС МО от 19 апреля 2012 г. № Ф05-3243/12, от 2 марта 2006 г. № КГ-А40/698-06-П, от 29 ноября 2012 г. № Ф05-3492/12), с формально-юридической точки зрения довольно уязвима.

Прежде всего, суды пришли к выводу о наличии между Россией и Нидерландами международных договоров, на основании которых может быть исполнено решение нидерландского суда, признав таковыми Соглашение о партнерстве и Конвенцию. Однако в том, что такое понимание положений названных международных документов, мягко говоря, некорректно, довольно легко убедиться.

Соглашение о партнерстве затрагивает вопросы правосудия исключительно в контексте взаимного обязательства сторон обеспечить недискриминационный доступ к правосудию для граждан и юридических лиц (п. 1 ст. 98), но не предусматривает обязательства сторон взаимно приводить в исполнение какие-либо судебные решения. Отказ в исполнении иностранного решения вряд ли можно расценить как запрещенную данной нормой дискриминацию, коль скоро иностранное лицо не лишено возможности защищать свое право в российских судах в рамках обычного судопроизводства. Иная интерпретация выглядела бы уместной только в том случае, если бы российский закон предусматривал возможность исполнения иностранных решений по заявлениям российских лиц и не предоставлял бы такой возможности лицам иностранным.

Упомянутые положения Конвенции (п. 1 ст. 6) также ориентированы на установление определенного стандарта правосудия для внутренней судебной системы государств-участников, но ничего не говорят о необходимости

исполнять акты судов иностранных. Эта норма провозглашает право каждого на независимое и беспристрастное судебное разбирательство. Как отмечено судами, аналогичное право закреплено и в Конституции РФ, однако это не свидетельствует о том, что уже в самой Конституции установлена возможность принудительного исполнения иностранных решений (что исключило бы в принципе необходимость обращаться к международным источникам в этом вопросе).

Действительно, в Европейском суде по правам человека сложилась устойчивая позиция о том, что «исполнение судебного решения или постановления <...> должно рассматриваться в качестве составной части «судебного разбирательства», о котором говорит ст. 6» (решение ЕСПЧ от 17 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции»). Вместе с тем, по моему мнению, ничто не дает оснований утверждать, что в данном случае речь идет о принятии странами-участницами на себя каких-либо обязательств в отношении судопроизводства (включая исполнение судебных актов) в иных судах, кроме собственных.

Сомнительно и утверждение о том, что отказ от исполнения иностранного решения можно расценивать как нарушение конституционного принципа (п. 1 ст. 46 Конституции РФ) — права на судебную защиту, поскольку такой отказ может означать лишь непризнание за иностранным судом полномочий осуществлять такую защиту в контексте российской Конституции и на российской территории. Отказ в исполнении иностранного решения не равнозначен отказу в праве на защиту, которая гарантируется и может гарантироваться лишь в отношении отечественной судебной системы³.

Но, судя по всему, суды и сами осознавали шаткость ссылок на названные международные документы и поэтому не ограничились ими, а констатировали, что наличия международного договора в принципе не требуется. Однако цепочка рассуждений, позволившая прийти к подобной констатации, при детальном анализе кажется еще менее надежной.

Во-первых, более чем спорным и, во всяком случае, не аргументированным выглядит утверждение, что общепризнанными принципами международного права являются принципы международной вежливости и взаимности.

Согласно традиционному подходу международно-правовые принципы представляют собой наиболее важные и общепризнанные императивные нормы поведения субъектов международных

» Суды пришли к выводу о наличии между Россией и Нидерландами международных договоров, на основании которых может быть исполнено решение нидерландского суда, признав таковыми Соглашение о партнерстве и Конвенцию. Однако в том, что такое понимание положений названных международных документов, мягко говоря, некорректно, довольно легко убедиться.

отношений (т.е. в первую очередь государств) по поводу наиболее важных вопросов международной жизни, являющиеся критериями законности других норм в сфере международных отношений. Основными источниками принципов международного права принято считать Устав ООН, Декларацию о принципах международного права 1970 г. и Хельсинкский заключительный акт 1975 г. Среди принципов международного права можно выделить, например, принципы суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, уважения прав человека и т.д.

Очевидно, что понятия международной вежливости и взаимности вряд ли могут быть поставлены в один ряд с приведенными императивными нормами поведения государств в международных отношениях⁴. В особенности это касается понятия взаимности: в том смысле, в котором оно используется в рассматриваемых судебных актах, его скорее следовало было бы расценивать как институт международного частного права⁵. Так, ст. 1189 ГК РФ, на которую сослались суды, говорит об условии или требовании взаимности, но отнюдь не о правовом принципе взаимности в понимании принципа как основополагающей идеи или правила, определяющего содержание и направление правового регулирования. При этом данная статья как раз исключает использование общего требования взаимности в вопросах применения иностранного права, ограничивая его только случаями, прямо предусмотренными законом⁶.

» В качестве первого шага можно было бы предложить прямо зафиксировать в законе правило о возможности исполнения иностранных решений на основе взаимности, желательнее установив при этом презумпцию существования взаимности, пока это не опровергнуто.

Во-вторых, не вполне корректной является и апелляция к положениям Конституции о включении принципов и норм международного права в национальную правовую систему и приоритете международно-правовых источников над национальными.

На самом деле ч. 4 ст. 15, на которую опираются суды, устанавливает приоритет над национальными законами исключительно правил, обозначенных международным договором. Иными словами, даже если допустить, что

институт взаимности является принципом международного права, коль скоро он не закреплен в международном договоре РФ, отсутствуют и формальные основания утверждать, что Конституцией предусмотрен его приоритет над нормами внутреннего законодательства (например, над теми положениями Конституции, согласно которым правосудие в России осуществляется только судами, образованными в соответствии с российскими Конституцией и законами).

Таким образом, к сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день в российской правовой системе отсутствует сколько-нибудь надежный правовой фундамент для того, чтобы уверенно говорить о возможности признания и приведения в исполнение решений судов Нидерландов. Представляется также, что императивные нормы российского процессуального законодательства не позволят российским судам попытаться последовать по пути судов нидерландских и применить практику повторного рассмотрения дела и вынесения решения, совпадающего с решением суда иностранного государства, без пересмотра дела в полном объеме по существу.

Нынешнее положение вряд ли в целом можно признать удовлетворительным для участников гражданского оборота. Даже если допустить, что суды в дальнейшем продолжат ориентироваться на примененную в рассмотренном деле позицию, принимая во внимание ее уязвимость, а также известное «непостоянство» нашей правоприменительной практики, можно утверждать, что необходимая степень правовой определенности не будет достигнута.

Поскольку в отечественной правовой системе так называемый закрытый режим (когда исполнение допускается лишь при наличии соответствующего указания в международном договоре) исполнения иностранных решений исторически укоренился (в связи с чем установление полностью открытого режима, по всей видимости, еще долго будет восприниматься как нечто чрезмерно радикальное), в качестве первого шага в этом направлении можно было бы предложить прямо зафиксировать в законе правило о возможности исполнения иностранных решений на основе взаимности⁷, желательнее установив при этом презумпцию существования взаимности, пока это не опровергнуто. При всех недостатках такого подхода это позволило бы судам не прибегать к довольно сомнительной аргументации о наличии соответствующего принципа междуна-

родного права и его приоритете над национальным законодательством.

В перспективе, наверное, можно было бы полностью отказаться и от этого ограничения, тем более что сформулированные в процессуальных кодексах основания для отказа в приведении в исполнение иностранных решений (противоречие публичному порядку, исключительная компетенция российского суда и проч.) вполне достаточны для того, чтобы обеспечить национальному правопорядку должный уровень защиты с точки зрения публичных интересов.

¹ Экзекватура (лат. exequor — выполнять) в общем значении — процедура приведения в исполнение в данной стране судебного решения, вынесенного в другой стране. Термином «экзекватура» во французской традиции также назывался акт местного суда, санкционировавший исполнение иностранного судебного решения.

² Подобная проверка происходит в рамках процедуры экзекватуры, что, по всей видимости, и послужило поводом для приведенного названия.

³ Примечательно, что Конституционный Суд РФ не находит оснований полагать, будто норма ч. 1 ст. 409 ГК РФ (содержащая требование о наличии международного договора для исполнения иностранных решений) нарушает конституционное право на судебную защиту (определение КС РФ от 17 июля 2007 г. № 575-О-0).

⁴ В доктрине международного публичного права признается существование принципа взаимности, но не как общепризнанного принципа, а как принципа отраслевого (экономического права, права договорного и др.). Понятие же международной вежливости обычно определяется как некая устоявшаяся практика взаимоотношений между государствами (обыкновенное).

⁵ Как известно, МЧП не является частью международного публичного права (несмотря на то что в названии исторически присутствует слово «международное», эта отрасль права является по существу правом внутренним).

⁶ Вообще, отношение к данному институту в современной доктрине достаточно негативное, в частности потому, что он, как правило, используется как инструмент для отказа в исполнении иностранных решений или применении иностранного права, т.е. как своего рода риторика (см., например: Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та; Изд-во юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. Ч. II. Гл. 2. С. 353–382).

⁷ Примечательно, что проекты ныне действующих АПК и ГПК первоначально содержали оговорки о возможности исполнения иностранных решений на началах взаимности, которые в ходе их рассмотрения были исключены.